

С. А. Степанцов

ДВЕ ЗАМЕТКИ К АЛКЕЮ

В первой заметке доказывается, что эпитет Геры во фрагменте 129 V. Алкея может быть интерпретирован как Αἰόληα – женский род от этнонима эолийцев с основой на дигамму, а не производное от имени Эола. Во второй заметке доказывается, что употребление слов στεῖχει, φαρξώμεθα, δρόμωμεν в фрагменте 6 V. не может обоснованно рассматриваться как намек на скрытый за аллегорией смысл.

Ключевые слова: Алкей, Гера, эпитет, аллегория, метафора.

I. ЭОЛИЙСКАЯ ИЛИ ЭОЛОВА БОГИНЯ?
К ФРАГМЕНТУ АЛКЕЯ 129.6 VOIGT

Во второй и начале третьей сохранившейся строфы знаменитого фрагмента 129 Voigt Алкей перечисляет трех богов, почитаемых в святилище, в котором находится сам он и его товарищи. Этих трех богов призвали лесбосцы, когда основывали святилище: Зевса Уветливого, не названное по имени женское божество (с несколькими эпитетами) и Кемелия-Диониса по прозвищу Омест (Сыроядец):

κάλωνύμασσαν ἀντίαον Δία 5
 σὲ δ' Αἰολήϊαν [κ]υδαλίμαν θεόν
 πάντων γενέθλαν, τὸν δὲ τρίτον
 τόνδε κεμήλιον ὠνύμασ[α]ν
 Ζόννυσσον ὠμήσταν.

Хотя имя женского божества, почитаемого в святилище, не названо в сохранившейся части стихотворения Алкея, почти единогласно признается, что речь идет о Гере.

Во-первых, еще первый издатель фрагмента Лобель отметил параллель между этим текстом и фрагментом Сапфо 17 V., обращением к Гере. Из фрагмента Сапфо достаточно ясно (несмотря на большие утраты текста), что поэтесса говорит о мифологическом событии, относящемся ко времени после Троянской войны: Атриды не могли покинуть Лесбос, пока не почтили Геру, Зевса и «Фионы любезного сына» (καὶ Θυόνας ἱμε[ρ]όενταλαῖδα), по восстановлению Виламовица), т.е. Диониса. Речь у Сапфо идет, как предполагается, о том же святилище, что и у Алкея. Основание

Степанцов Сергей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

святилища Сапфо и Алкей описывают по-разному, но эти два рассказа не обязательно противоречат друг другу (например, возможно, считалось, что лесбосцы основали святилище именно в память того, как Атриды почтили трех богов на Лесбосе, или в том же месте).

Во-вторых, по всей вероятности, к пребыванию в том же святилище относится и фрагмент Алкея 130bV., в котором речь идет о состязаниях лесбосских женщин в красоте, а эти состязания, согласно схолию к «Илиаде» (9. 129), проходили в святилище Геры¹. Спенсер в своей статье о восточных влияниях на культуру Лесбоса мимоходом говорит о том, что почитаемое здесь женское божество могло быть Кибелой (следы ее культа он отмечает на Лесбосе)², однако это предположение основано только на том, что на Лесбосе действительно засвидетельствован культ Кибелы. С другой стороны, вполне вероятно предположение, что культ Геры впитал в себя элементы, характерные для почитания другого женского божества.

Способ именованя Геры в Алкеевом стихотворении примечателен в разных отношениях. Во-первых, обращает на себя внимание на то, что при перечислении трех божеств только к женскому божеству поэт обращается во втором лице. Можно ли из этого сделать вывод о старшинстве богини внутри совместного культа, – сомнительно; во всяком случае, это божество названо не первым. Правдоподобно такое соображение Хатчинсона: святилище могло первоначально принадлежать Гере или богине, с Герой впоследствии отождествленной (отсюда ее особое положение в этом святилище); затем, когда в нем стали почитать еще двух богов, три божества стали перечислять в порядке патриархального семейного старшинства (Hutchinson 2001, 107).

Во-вторых, к богине относится эпитет [κ]υδαλίμα. В гомеровских поэмах этот эпитет относится только к героям, но не к богам и богиням или героиням (по понятным причинам). В ранней лирике, ямбе и элегии он вообще больше не встречается³.

В-третьих, необычно именование Геры – если речь действительно идет о Гере, – «всеродительницей», πάντωνγενέθλα. Необычно уже значение слова γενέθλη. В гомеровском эпосе оно употребляется только в смысле «происхождение, род, порождение» (Il. 2.857, 5.270, 19.110; Od. 4.232, 13.130). В значении «родительница» это слово отмечается у Алкея впервые. Еще более странно, что πάντωνγενέθλα названа Гера. Материнские функции Геры так сильно оттеснены на задний план в гомеровской мифологии, что употребление подобного эпитета у Алкея вызвало понятное недоумение⁴ и было не без оснований отнесено к исключительным слу-

¹ В анонимной эпиграмме неизвестный поэт говорит, вероятно, о том же святилище Геры, которое имеют в виду Сапфо во фр. 17 и Алкей во фрагментах 129 и 130b (цит. по: Page 1981, 338):

Ἐλθετε πρὸς τέμενος γλαυκώπιδος ἀγλαδὸν Ἴηρης,
Λεσβίδες, ἀβράποδῶν βήμαθ' ἐλισσόμεναι·
ἔνθα καλὸν στήσασθε θεῆι χορόν· ὕμμι δ' ἀπάρξει
Σαπφῶ χρυσεῖην χερσὶν ἔχουσα λύρην.
ὄλβια ὀρχηθμοῦ πολυγηθέος· ἦ γλαυκὸν ὕμνον
εἰσαΐειν αὐτῆς δόξετε Καλλιόπης.

² Spencer 1995, 298.

³ Kazik-Zawadzka 1958, 75; Broger 1996, 184.

⁴ Stella 1956, 321.

чаям в религии Геры⁵. Только в орфических гимнах встречается еще обращение к Гере (наряду с Зевсом) *παντογένης* (к Гере – 16.4, к Зевсу – 15.6).

Наконец, богиня названа эпитетом *Αἰολίῃα*. Об этом-то эпитете и пойдет речь далее.

Сам по себе факт почитания богини как покровительницы эолийского племени вполне объясним и имеет параллели, отмеченные уже Латте⁶. Но вот вопрос: образовано ли прилагательное *Αἰολίῃα* от этнонима *Αἰολεύς* или от имени эпонимного героя эолийцев *Αἶολος*. Этот вопрос в первом издании папируса поставил Лобель в связи с написанием эпитета. Лобель высказал мнение, что прилагательное образовано от *Αἶολος*, а не от *Αἰολεύς*. Его аргументом было то, что в прилагательном от основы на дигамму слова *Αἰολεύς* *iota* не подверглась бы контракции. Того же мнения придерживается в своем комментарии Пейдж⁷. Наконец, Уэст на том же основании предлагал в качестве эмендации *Αἰολίῃαν*⁸, а Форссман в своем специальном исследовании о подобных формах в лесбосском диалекте тоже склоняется к мнению, что за написанием *Αἰολίῃαν* стоит *Αἰολίῃαν*, образованное от основы *Αἰολο*-⁹.

С другой стороны, уже Хамм считала контракцию *η* возможной при образовании от основы *Αἰολεύς* после падения дигаммы под влиянием гомеровских форм¹⁰. Ее точку зрения принял за окончательную Мейерхофф, считавший конъектуру Уэста поэтому лишней смыслом¹¹.

В дальнейшем я собираюсь показать, что обе линии аргументации не предлагают удовлетворительного решения вопроса, а также что конъектура Уэста справедливо убирает из текста *iota* и этим верна, хотя и сделана на ложных основаниях.

Прежде всего, следует отметить неправомерность исходного утверждения Лобеля о том, что при образовании прилагательного от основы на дигамму при помощи суффикса *-i-* должна была образовываться неслитная форма, в которой *η* читалось бы в два слога (Р.Оху. 18, р. 35). Его соображение основано, вероятно, на том факте, что прилагательные от основы на дигамму типа *βασιλῆϊος* читаются у Алкея и Сапфо со слоговым *ι* (впрочем, лишь два случая вполне надежно указывают на это: Sapph. 94. 20 и Alc. 130a.15 Voigt). Однако Хамм¹², обратив внимание, что подобные нестяженные формы встречаются в эпосе (Σ 401, л 550), предлагала объяснять присутствие их у эолийских лириков влиянием эпического узуса, а вовсе не свойствами лесбосского диалекта.

Теперь попытаемся рассмотреть генезис формы *Αἰολίῃαν* не в сопоставлении с гомеровскими прилагательными типа *βασιλῆϊος*, а в связи с тем механизмом, который действовал в лесбосском диалекте при образовании от основы на дигамму женского рода прилагательных на *-ος* типа *γλυκύς*. Этот механизм рассмотрен Слингем, и в основе данного им объяснения лежит тот известный факт, что наряду

⁵ Так Burkert 2011, 208. См., впрочем, о связи культа Геры с плодородием: Picard 1946, 460–462; Snell 1944; Renehan 1974.

⁶ Latte 1947, 145. Он же указал на лесбосские надписи римского времени, в которых обе Агриппины именовались *θεὰ Αἰολίς καρποφόρος*, видимо, в соответствии с древними культовыми традициями острова.

⁷ Page 1955, 164.

⁸ West 1966, 151.

⁹ Forssman 1975, 25–26.

¹⁰ Hamm 1957, 30, § 58a2.

¹¹ Meyerhoff 1984, 216. Anm. 37.

¹² Hamm 1957, 30, § 58a2.

с фессалийским диалектом лесбосский избежал первого заместительного удлинения, оставив на месте прежних групп согласных геминаты (например *selas-nā > σελάννα¹³). Дальнейшие изменения Слинг объясняет так: «Естественно предположить, что когда палатализованные [ww'] и [ss'] исчезли во всех греческих диалектах, образовавшееся [уу] должно было получить статус фонемы в лесбосском (и фессалийском), но не в других диалектах: в лесбосском была оппозиция типа RR:R, и в этот тип легко вписывалась оппозиция /уу/:/у/, давая форму /glukeууа/; в прочих диалектах из-за отсутствия такой оппозиции [уу] осталось фонетической реализацией фонологического интервокального /i/, как в /glukeia/... Когда /у/ перешло в /h/ во всех греческих диалектах, [уу] во всех диалектах осталось без изменений, так как изменение не затронуло /i/, фонетической реализацией которого было [уу]. Однако в лесбосском /уу/ также перешло в /hh/, потому что в нем фонетическая реализация была идентична фонеме, которая за ней стояла. Слогораздел, несомненно, проходил как раз посередине /hh/, между двумя h: /glukeh-ha/. Когда лесбосский в свою очередь утратил /h/, второе /h/ исчезло бесследно, но первое /h/, принадлежавшее к одному слогу с предшествующим гласным, произвело на предшествующий гласный тот же эффект, какой произвели тысячелетием ранее ларингалы: оно вызвало заместительное удлинение, тем более что ассимиляция (обычный способ лесбосского диалекта разделаться с проблемными скоплениями звуков) была здесь невозможна»¹⁴.

Можно принимать или оспаривать детали подобной реконструкции происходивших в этом типе слов процессов, но так или иначе очевидным результатом этих процессов выступают сохраненные нам в папирусной традиции лесбосских поэтов формы женского рода прилагательных на -υς: γλῦκη, λίγη, εὔρη, ταχίη (gen. pl.), ὠκίαισι. Логично предположить, что в именах женского рода от основ на -ηf- типа βασιλεύς в группе *-ηfja должны были происходить подобные процессы. Очевидная разница состоит в том, что долгое открытое e здесь присутствовало изначально, а не возникло в результате заместительного удлинения. Таким образом, в лесбосском можно было бы ожидать для слов мужского рода на -ευς женских коррелятов на -ηα. Например, от слова βασιλεύς¹⁵ женский род должен был бы образовываться в форме βασίληα, а не βασιλεία, как в ионийско-аттическом.

Правда, до недавнего времени такие формы женского рода не были достоверно засвидетельствованы в сохранившихся фрагментах Сапфо и Алкея. Единственный случай употребления слова βασίληα в Sapph. 65.6 V. – конъектура Снелля. Однако теперь уверенность в подобной форме слова «царица» в лесбосском диалекте существенно возросла благодаря публикации так называемого «Лондонского папируса» с неизвестными ранее фрагментами Сапфо (Obbink 2014). В первом из сохранившихся фрагментов, в стихотворении о братьях Сапфо Хараксе и Ларихе стих 6 (второй стих сапфической строфы) читается так: πόλλα λίσσεσθαι βασίληαν Ἥραν. Хотя текст именно этой строки несколько поврежден, все буквы ясно различимы, в том числе и в слове βασίληαν. Не приходится сомневаться и в слоговом составе этого слова, скандируемого внутри сапфического одиннадцатисложника как ~-~.

Если же формой женского рода, соответствующей мужскому роду βασιλεύς, доподлинно выступает βασίληα, то ожидаемая форма женского рода, соответ-

¹³ Buck 1955, § 74–76; 77.1; 79; Blümel 1982, § 90 ff.; Parker 2008, 450–455.

¹⁴ Slings 1979, 249–250.

¹⁵ Условно пишем далее лесбосские слова с принятой в изданиях лесбосской лирики баритонезой.

ствующая Αἰόλεὺς – Αἰόληα. Эта-то форма в винительном падеже и могла стоять в первоначальном тексте Алкея. Естественно, что писец, введший в написание *иоту* – вероятно, по аналогии с более привычными формами прилагательных, – уже не мог поставить ударение на *ο*, оказавшемся по его счету четвертым гласным от конца, хотя на самом деле считать *иоту* полным гласным не позволяет метр.

Итак, Уэст, предложивший конъектуру Αἰολήαν, прав в том, что *иоту* следует исключить из текста. Однако он неправ в том, что написание без *иоты* может быть только у формы, производной от основы Αἰολος. Как я полагаю, в форме женского рода, образованной от Αἰολεὺς, также не должно было быть никакой *иоты*. Следовательно, нет никакой настоящей нужды считать именование богини во фрагменте Алкея 129 образованным от имени Эола непосредственно. Оно вполне могло быть образовано от имени племени эолийцев, читаться как Αἰόληαν и, таким образом, означать просто «Эолийская».

II. ФРАГМЕНТ АЛКЕЯ 6 VOIGT: ЕСТЬ ЛИ В ТЕКСТЕ НАМЕКИ НА АЛЛЕГОРИЮ?

Цель этой заметки – показать, что как бы ни истолковывался фрагмент Алкея 6 Voigt, буквально или аллегорически, ничто не указывает на присутствие аллегории собственно в сохранившемся тексте стихотворения.

Как известно, три первых стиха фрагмента известны по цитате у Гераклита, автора I в. н.э., который в сочинении «Гомеровские вопросы» приводил их наряду с 208a V. (326 LP) как пример аллегории (Heracl. Quaest. hom. 5.8): «Во многих стихотворениях мы найдем иносказание и у митиленского песнотворца. Он также уподобляет связанные с тиранией смуты бурному состоянию моря: (*следует начало фр. 208a Voigt ἀσυννέτημι...*). Разве кто-нибудь не подумает тотчас из-за уподобления морю в начале песни о страхе перед морем людей, плывущих на корабле? А речь не об этом: тут Алкей указывает на Мирсила и на мятеж, поднимаемый против митиленцев с целью захватить единоличную власть... подобным же образом и в другой песне он говорит в загадках о его делах: (*следуют первые три строки нашего фрагмента*). Этот островитянин (Алкей) пользуется морем (θαλαττεύει) вдосталь и по большей части уподобляет беды от тиранов морским бурям».

В Р. Оху. 15/18.1789 частично сохранились строки 1–4, 7–14 и мелкие остатки дальнейших, в Р.Оху. 21.2166 е 4 (тот же свиток) – частично строки 17–24. Сопоставление и объединение фрагментов папируса начато Хантом и завершено Лобелем, которому мы в основном и обязаны тем текстом, который с небольшими изменениями воспроизводится позднейшими издателями¹⁶.

Вопрос об аллегорическом смысле образа волн и корабля в этом стихотворении остается дискуссионным. Сам по себе факт цитирования его первых трех строк у склонного к аллегорезе Гераклита не достаточен для того, чтобы увериться в правильности аллегорического прочтения. После открытия и публикации дальнейших фрагментов стихотворения, сохранившихся на папирусе, казалось бы, появились новые убедительные аргументы в пользу аллегорического понимания образа корабля и бури.

Во-первых, в дальнейших стихах поэт призывает гетайров бежать от волн в надежную гавань, но тут же говорит о том, что они должны проявить мужество и не посрамить предков. При буквальном истолковании такое сочетание может

¹⁶ О соотношении прямой и косвенной традиции этого стихотворения и значении истории текста для понимания содержания см. Nicosia 1976, 141–161 .

показаться нелепым, поэтому напрашивается вывод об иносказании. Например, за призывом укрыться в гавани нужно понимать призыв охранять Митилену от вторжения Мирсила, что уже никак не противоречит призыву к мужеству. (В подкрепление этой мысли Трумпф интерпретировал слова о трудности вычерпывания воды из корабля в стихах 3 и 4 в смысле указания на то, что трудно будет изгнать Мирсила из города, если он туда прорвется. Это истолкование, поддерживаемое Либерманом, подтверждает для тех, кто его принимает, датировку этого стихотворения периодом до захвата власти Мирсилом¹⁷.

Во-вторых, слово *μοναρχίαν* в стихе 27 (сохранившееся почти без контекста) позволяло сторонникам аллегорического толкования утверждать, что в стихотворении не только содержится аллегория, но и переход от аллегорического плана к прямому высказыванию: сначала об опасности захвата власти тираном говорится иносказательно, а к концу стихотворения иносказание отбрасывается¹⁸. Кроме того, внизу столбца, на котором сохранился текст последних стихов фрагмента 6, видны следы маргиналии, среди которых читается только слово *Μυρσίλου*. Непонятно, относилась ли эта маргиналия к нашему стихотворению или к следующему за ним, но в ней видят следы пояснения античным комментатором прямого смысла стихотворения: призыва бороться с попыткой Мирсила захватить власть, что вполне логично.

Уже Пейдж, уверенно придерживавшийся мнения об аллегорическом характере начала стихотворения, признавал, что ни упоминание единовластия в дальнейшем тексте стихотворения, ни упоминание Мирсила в маргиналии того же папируса не доказывают сами по себе аллегоричности образов моря и корабля. Для него главных аргументов в пользу аллегории два: 1) первый из вышеприведенных (призыв к мужеству странным образом сопровождает призыв укрыться в надежной гавани); 2) Алкей, по мнению Пейджа, не мог воспроизводить в песне ситуацию из прошлого. Для Пейджа Алкей в своем стихотворении говорил в настоящем времени о происходивших одновременно с исполнением песни событиях и о грозившей в непосредственном будущем опасности, а в таком случае речь не может идти о корабле и о буре напрямую, а только о политических событиях, подразумеваемых под этими образами (ведь нельзя же в самом деле представить себе, что песня предназначалась для первого исполнения прямо на корабле¹⁹).

В целом, аллегорический способ понимания этого стихотворения возобладал почти безраздельно²⁰, несмотря на то что среди противников его были такие авторитетные филологи, как Вилаговиц и Диль. Правда, в настоящее время, особенно после книги Резлера, за образом корабля видят не город, как раньше (*Staatsschiff*, *Ship of State*), а гетерию Алкея²¹.

Справедливые, на мой взгляд, возражения на категоричные доводы Пейджа предложил Ю. Боуи, который допускает, что это стихотворение Алкея могло использовать аллегорические образы, но утверждает, что доказать его аллегоричность при настоящем состоянии фрагментов невозможно. Позиция Боуи впервые высказана в его статье 1986 г.²² со ссылкой на Слейтера²³. В докладе «Alcaeus'

¹⁷ Trumpp 1958; 49; Liberman 2002; 205.

¹⁸ Tsomis 2001, 189.

¹⁹ Page 1955, 184–185.

²⁰ Например, Gentili 1984, 257–283; Parker 1994; Heirman 2013, 155 ff.; Brock 2013, 54.

²¹ Rösler 1980, 126–134 et passim; Nünlist 1998, 320; Lentini 2001, 8.

²² Bowie 1986, 17.

²³ Slater 1976, 169–170.

stasiotica: Catullan and Horatian readings», сделанном на Гаспаровских чтениях в 2013 г. (Москва, РГГУ), Боуи полностью развил свой тезис. Как и Пейдж, он согласен с тем, что ни слово «единовластие» во фрагменте папируса, ни маргиналия с именем Мирсила в том же папирусе не служат доказательством того, что сказанное в первых стихах было аллегорией. Но Боуи, в отличие от Пейджа, считает не абсурдной мысль о том, что поэт мог воспроизводить в своей песне именно минувшие события, известные кругу его слушателей (так же, как было возможно воссоздание минувших событий в драме), и допускает, что стихотворение описывало некую морскую операцию, предпринятую его гетерией. По его мнению, ситуация, которую Алкей мог вспоминать и воспроизводить в песне, была такова: он и его гетайры участвовали в некоей морской операции (скажем, в доставке оружия), во время которой из-за бури встал выбор между тем, чтобы дать кораблю пристать к берегу, спасая жизнь ценою успеха операции, и тем, чтобы, собрав мужество и защитив от волн корабль, продолжать опасное плавание и достичь безопасной гавани, находящейся под контролем союзников или друзей. Так в контексте буквального истолкования примиряются на первый взгляд противоречащие один другому призывы к мужеству и к укрытию в надежной гавани²⁴.

С точки зрения Боуи, Гораций, пользовавшийся образом корабля и бури в подражание Алкею, знал об эллинистических аллегорических толкованиях его стихотворений (к ним восходят и построения Гераклита, и дошедшие в папирусных обрывках имперского времени комментарии к Алкею в Р. Оху. 2306 и 2307 = фрагменты Алкея 305 и 306). Поэтому Гораций мог использовать образ корабля и в иносказательном смысле (как в оде 1.14), и в прямом (как, может быть, в оде 1.32), играя разными традициями истолкования Алкея.

Итак, единодушное свидетельство античных комментаторов, включая остатки папирусного комментария (а также общепризнанное аллегорическое использование образа корабля у Горация в оде 1.14) предопределили аллегорическое прочтение стихотворения Алкея в новое время. Самый трудный вопрос, который стоит перед сторонниками аллегорического прочтения (а таких подавляющее большинство): сколь далеко можно зайти в аллегорической интерпретации отдельных деталей? В

²⁴ Близко к такому объяснению призыва к мужеству в сочетании с призывом прибегнуть в надежную гавань подходит также Бернетт, которая в целом придерживается аллегорической интерпретации стихотворения: «Современные критики... сочли, что... в песне недостает решительного вызова врагу, и некоторые заключали из этого, что песня дает сигнал ко второму бегству (гетерии Алкея из города.— С.С.). Заговор раскрыт, поэт встает с лирой и возвещает: Спасайся кто может! Однако такое заключение могут сделать только современные люди, которые думают, что маленький корабль, чтобы вести себя благородно, должен бросить вызов огромным волнам и пытаться справиться с сокрушительным штормом в открытом море. В действительности слушатели Алкея, опытные в мореплавании, не питали подобных романтических иллюзий, но знали, чего требует ненастье, а также знали гомеровские поэмы, в которых начало бури означало, что нужно снять парус и грести к берегу (Od. 9. 273; ср. также Архилох 105 W. и adesp. 999 PMG...). Эта поэтическая волна, следующая за другой, должна была напоминать им о чреде волн, вздымавшихся над Одиссеем и швырявших его плот вблизи острова феаков (Od. 5. 296, 313, 327, 366, ср. 9. 273), и в этом случае, даже при содействии богини, не оставалось делать ничего иного, как только плыть к берегу. Поэт хочет сказать: Бросьте вызов волнам единственным способом, которым им можно бросить вызов, а именно: сохраните корабль и людей для новой попытки... Именно такое разумное сопротивление приносит спасение, и оно достойно подвигов доблестных предков, ибо подразумевает тяжкий и неустанный труд и готовность предпринять новый удар» (Burnett 1983, 151–152).

попытках ответить на этот вопрос полагаться на остатки античных комментариев можно лишь с постоянной оглядкой. Показательно, что Джентили в двух своих комментариях к фрагменту 208а V. показывает два едва ли не противоположных подхода. В более раннем комментарии он говорит (несколько несправедливо, по-моему, по отношению к Горацию) о большой обобщенности этого иносказания по сравнению с иносказанием Горация в оде 1.14: «Горациево подражание Алкею слишком книжное, чтобы можно было его сравнить с оригиналом, оно слишком риторично для того, чтобы аллегория могла раствориться в образе. У Горация аллегория все время ощущается, потому что каждый элемент образа – это иносказательный символ, у Алкея сравниваемый предмет растворен в образе, становится образом как таковым. В оде Горация недостает непосредственности обнаженности, стремительности Алкеевой песни»²⁵. В специальной главе более поздней книги тот же Джентили дает подробное аллегорическое истолкование каждого элемента образа корабля во всех стихотворениях Алкея, притом в сопоставлении с другими греческими поэтами, в частности с двумя фрагментами Архилоха 105 и 106 West и стихами 671–680 Феогнидова сборника²⁶.

Нет сомнения, что образ корабля в бурном море мог служить и служил иносказанию в греческой литературе. Более того, его, наверное, можно отнести к образам с заведомо высоким иносказательным потенциалом, и поэтому неудивительно, что некоторые явно иносказательные детали такого рода находятся у библейских пророков Иезекииля и Исаии²⁷. Однако важно подчеркнуть, что во фрагментах 208 и 6 Voigt нет ни одного элемента (вопреки попыткам того же Джентили доказать обратное), который бы нарушал целостность образного плана и бесспорно указывал на аллегория. Все доказательства аллегоричности – вполне возможной, и даже высоко вероятной – лежат вне сохранившегося текста фрагментов.

Разберем подробнее с этой точки зрения использование во фрагменте 6 V. некоторых слов, которые, по мнению Джентили, подтверждают иносказательный смысл образа корабля в бурном море.

Первый случай – метафора, присутствующая в первых двух стихах фрагмента: κῦμα... στείχει. Вот что пишет о ней Джентили: «Глагол στείχειν – не очень подходящее слово для описания движения волн: оно представляет собой вторжение в морской контекст аллегории²⁸; употребление этого глагола в архаической поэзии не распространяется на неодушевленные предметы... В “Илиаде” 2.833 он описывает наступление воинов строем. Алкей одушевляет неодушевленное, как могли бы мы сказать вместе с Аристотелем²⁹; он показывает не столько движение волны, сколько агрессивность ее действия, и тем самым сообщает образу напряжение и силу: волна надвигается грозно, как отряд вооруженных воинов»³⁰.

Из утверждений Джентили это – самое осторожное и потому наименее спорное. Во всяком случае, здесь он не говорит напрямую, что употребление слова στείχει намекает на означающее аллегорического образа – наступление вражеской военной силы. Впрочем, далее он не удерживается на этом уровне корректности (см. далее его высказывание о глаголе στείχειν в рассуждении о глаголе τρέχειν). Да и его ссылка на пассаж из монографии Силка, где «вторжение» (intrusion) глагола

²⁵ Polinnia 1965, 190.

²⁶ Gentili 1984, 257–283, см. также сопоставительную таблицу на с. 322–323.

²⁷ West 1997, 531–532.

²⁸ Silk 1974, 144.

²⁹ Rhet. 1411b.

³⁰ Gentili 1984, 266.

στείχειν в морской контекст выставлено как явное указание на скрытый смысл аллегории, показывает, к чему он клонит речь. Итак, по этому первому пункту с Джентили можно согласиться, но только в том, что στείχει действительно повышает экспрессивность описания волны, подчеркивая грозность ее приближения, а не в том, что сквозь него просвечивает второй план аллегории³¹.

Вторая деталь, приводимая Джентили в том же ряду, – глагол φράσσειν, употребленный в обрывающейся на папирусе фразе φαρξώμεθ' ὡς ὤμιτα. «Глагол φράσσειν, – пишет Джентили, – в двойном смысле “укрепить борта корабля” / “воздвигнуть сооружения вдоль стен” – оказывается закрепленным в эпической традиции (Il. 15. 566; Od. 5. 526 (корабль); Il. 12. 263 (стены))»³².

Как понимать подобное высказывание? Имеет ли автор в виду, что в гомеровском эпосе глагол φράσσειν употребляется в двойном смысле? Это очевидно не так: никогда употребление этого слова у Гомера не предполагает двусмысленности: речь идет либо о сооружении оборонительного укрепления (Il. 12. 263), либо о сооружении бортов для плавательного средства (Od. 5. 526), да к тому же, если не брезговать деталями, вовсе не корабля, а плота Одиссея. Из этих двух разрозненных и не связанных друг с другом употреблений глагола φράσσειν следует только один вывод: вывод о довольно общем, неспециализированном значении этого глагола. Означает он просто «оградить», а потому нет оснований предполагать, что его употребление вызывает ассоциацию с тем или иным видом ограждения.

Кстати сказать, в ссылке на гомеровские примеры Джентили допускает не сразу заметную и тем более опасную небрежность: в первом из указанных им стихов (Il. 15. 566) нет речи об укреплении бортов кораблей. В этом и следующем стихе говорится, что ахейцы окружили корабли медной оградой (φράξαντο δὲ νῆας ἔρκεϊ χαλκείῳ), и это означает, что вооруженные в медные доспехи греки выстроились вдоль кораблей, как справедливо поясняет в своем комментарии Дженко с указанием на точную параллель в Il. 4. 299³³. Возможно, если бы Джентили обратил внимание на этот факт, он бы использовал его в качестве еще одного доказательства «двусмысленности» глагола и еще одной отсылки к «означаемому» образа корабля. Я же считаю этот факт еще одним подтверждением того, что значение глагола φράσσειν общо и неконкретно, а потому не могло давать понятную отсылку к значению аллегории, если таковая и была.

Что касается собственного значения формы φαρξώμεθα в стихотворении Алкея, в данном случае, вероятно, имеется в виду установка заграждения, которое повышает борта судна и тем самым препятствует заливанию средней его части волнами. Кассон предполагает тождество этого заграждения с παραρρύσεις в Aeschyl. Suppl. 715³⁴.

Наконец, перейдем к третьему пункту в списке Джентили, самому странному. Казалось бы, что может быть очевиднее, чем смысл призыва: «Бежим в надежную гавань!» (ἐς δ' ἔχυρον λίμενα δρό[μωμεν] с общепринятым восстановлением

³¹ Обратим, кроме того, внимание на следующий пассаж, в котором употреблен тот же глагол στείχειν: οὐδέ ποτ' αὐτοὺς Ἥλιος φαέθων καταδέρκεται ἀκτίνεσσιν, οὐθ' ὀπότη' ἄν στείχησι πρὸς οὐρανὸν ἀστερόεντα (Od. 11. 15–17). Конечно, Солнце-Гелиос должно быть отнесено в гомеровском мире к одушевленным предметам. Однако сама возможность описать движение солнца глаголом στείχειν показывает на его довольно широкий метафорический потенциал.

³² Gentili 1984, 266–267.

³³ Janko 1985, 290.

³⁴ Casson 1995, 49, nt. 48 со ссылкой на Taillardat 1965, 83–86.

Ханта)? Но нет. «Слово λιγὴν (гавань), – пишет Джентили, – в призыве “Бежим в надежную гавань!” подходит к морскому контексту, но не столь хорошо подходит в век Алкея к движению корабля глагол τρέχειν, хотя к нему прибегают для описания движения таких неодушевленных вещей, как, например, волчок (II. 14. 413) или бурав (Od. 9. 386) – очевидная катахреза. Здесь, как и в предшествующем выражении “волна наступает”, напряженность образа объясняется новой трудностью: одушевлением корабля/города, который как бы должен бежать со всем экипажем/партией в надежную и безопасную гавань/убежище при наступлении волны/вражеской партии»³⁵.

Опустим дальнейшие далеко идущие выводы, которые Джентили делает на основе этого утверждения и с которыми мы в целом согласны, и рассмотрим его аргумент. Даже если бы глагол τρέχειν действительно не был засвидетельствован в высказываниях о неодушевленных предметах, было бы очень опрометчиво предположить, что глагол с таким основным значением, как у τρέχειν, не употреблялся для характеристики быстрого движения самых разных предметов. Но, во-первых, как показывает сам Джентили, этот глагол все-таки зафиксирован в описаниях движения неодушевленных предметов, и то, что Джентили называет катахрезой, есть просто метафора (для волчка и бурава она даже не кажется особенно валентной). А во-вторых, если не сам глагол τρέχειν, то производный от него διατρέχειν в «Одиссее» описывает не что иное, как плавание по морю на корабле: в 3. 176–177 (ὄρτο δ' ἐπὶ λιγὺς οὖρος ἀίμενα· αἱ δὲ μάλ' ὄκα ἰχθυόεντα κέλευθα διέδραμον) и в 5. 100 (τίς δ' ἂν ἐκὼν τοσσόνδε διαδράμοι ἄλκυρόν ὕδωρ). Если же глагол мог употребляться так до Алкея и после Алкея (примеры чего есть у Джентили), то разумно ли предполагать, что во время Алкея в этом смысле он не был употребителен? Мне кажется, в силу всего сказанного, что слова Алкея ἐς δ' ἔχυρον λίμενα δρό[μομεν] – вполне прямолинейный призыв к товарищам устремиться вместе с кораблем к надежной гавани. Другой вопрос – как это сочетается с призывом не бояться и не посрамить предков; но ответ на него мы привели раньше.

Итак, употребление слов στείχει, φαρξόμεθα, δρόμομεν не может обоснованно рассматриваться как намек на скрытый за аллегорией смысл. Первый и третий глаголы, несомненно, употреблены метафорически, но эта метафоричность не на службе у аллегории. Поэтому, мне кажется, о сохранившейся части фрагмента 6 можно было бы сказать то же, что аллегорист Гераклит говорит о фр. 208: «Разве кто-нибудь не подумает тотчас из-за уподобления морю в начале песни о страхе перед морем людей, плывущих на корабле?», – ибо цельность образа не нарушена никакой деталью. Стоит ли за ним аллегория на самом деле – совсем другой вопрос, и, как мы уже говорили, решить его в пользу аллегории позволяют только внешние данные.

Книга Джентили уделяет характеру аллегории в «морских» стихотворениях Алкея особенно много внимания, однако, с моей точки зрения, отражает его неверно. При этом она была и остается очень влиятельной в вопросах интерпретации Алкея. Впервые изданная по-итальянски в 1984 г., она была переведена на английский язык (1998 г.), а затем вышла еще раз по-итальянски в расширенном варианте (2006 г.). Во всех переизданиях интересующая нас часть осталась без изменений. Вот почему я считаю необходимым учитывать контраргументы и уточнения именно к анализу Джентили. Предложенный здесь анализ не дискредитирует аллегорическую интерпретацию, но он, по меньшей мере, небезразличен для понимания того, как именно применяется аллегория в поэтике Алкея. Возможно,

³⁵ Gentili 1984, 266–267.

не будет абсурдным предположить, что аллегория корабля была понятна в узком кругу первых слушателей Алкея сама собою, была элементом общепонятного в этом кругу поэтического языка³⁶ – заключение, к которому в конечном счете приходит и Джентили³⁷.

Литература

1. *Blümel W.* 198: Die aiolischen Dialekte. Göttingen.
2. *Bowie E.L.* 1986: Early Greek Elegy, Symposium, and Public Festival // *Journal of Hellenic Studies*. 106, 13–35.
3. *Brock R.* 2013: Greek Political Imagery from Homer To Aristotle. L.–N.Y.
4. *Broger A.* 1996: Das Epitheton bei Sappho und Alkaios. Eine sprachwissenschaftliche Untersuchung. Innsbruck.
5. *Buck C.D.* 1955: The Greek Dialects. Chicago–London.
6. *Burkert W.* 2011: Griechische Religion der archaischen und klassischen Epoche. Zweite, überarbeitete und erweiterte Auflage. Stuttgart.
7. *Burnett A.P.* 1983: *Three Archaic Poets: Archilochus, Alcaeus, Sappho. L.*
8. *Casson L.* 1995: Ships and Seamanship in the Ancient world. Baltimore.
9. *Forsman B.* 1975: Zur Lautform der Lesbischen Lyrik // *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*. 33, 15–37.
10. *Gentili B.* 1984: Poesia e pubblica nella grecia antica. Bari.
11. *Hamm E.-M.* 1957: Grammatik zu Sappho und Alkaios. B.
12. *Heirmann J.G.M.* 2012: Space in Archaic Greek Lyric: City, Countryside and Sea. Amsterdam.
13. *Hutchinson G.O.* 2001: Greek Lyric Poetry. A Commentary on Selected Larger Pieces. Oxf.
14. *Janko R.* 1985: The Iliad: A Commentary. Vol. IV. Camb.
15. *Kazik-Zawadzka I.* 1958: De Sapphicae et Alcaicae linguae colore epico. Wrocław.
16. *Latte K.* 1947: Zu den Neuen Alkaiosbruchstücken (P. Oxy. 18, 2165) // *Museum Helveticum*. 4, 141–146.
17. *Lentini G.* 2001: La nave e gli ἐταῖροι: In margine ad Alceo fr. 6, 73, 208a V // *Materiali e discussioni per l'analisi dei testi classici*. № 4, 159–170.
18. *Lieberman G.* 2002 – Alcée / Texte établi, traduit et annoté par G. Lieberman. Tome 1–2. P., 1999 [2002].
19. *Meyerhoff D.* 1984: Traditioneller Stoff und individuelle Gestaltung. Untersuchungen zu Alkaios und Sappho. Hildesheim–Zürich–New York.
20. *Nicosia S.* 1976: Tradizione testuale diretta e indiretta dei poeti di Lesbo. Roma.
21. *Nünlist R.* 1998: Poetologische Bildersprache in der frühgriechischen Dichtung. Stuttgart–Leipzig.
22. *Obbink D.* 2014: Two New Poems by Sappho // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 189, 32–49.
23. *Page D.L.* 1955: Sappho and Alcaeus. An Introduction to the Study of Ancient Lesbian Poetry. Oxf., 1955.
24. *Page D.L.* 1981: Further Greek Epigrams. Camb.
25. *Parker S.J.* 1994: Alcaeus and the Sea. Ottawa.
26. *Parker N.H.* 2008: The Linguistic Case for the Aiolian Migration Reconsidered // *Hesperia* 77, 431–464.
27. *Picard C.* 1946: La triade Zeus-Héra-Dionysos dans l'Orient hellénique d'après les nouveaux fragments d'Alcée // *Bulletin de correspondance hellénique*. Vol. 70, 455–473.
28. *Polinnia* 1965: G. Perrotta, B. Gentili. Polinnia. Poesia greca arcaica. Messina–Firenze, 1965.
29. *Porro A.* 1994: Vetera alcaica. L'esegesi di Alceo dagli Alessandrini all'età imperiale. Milano.
30. *Renéhan R.* 1974: Hera as Earth-Goddess. A New Piece of Evidence // *Rheinisches Museum für Philologie*. Neue Folge. 117. Bd. Ht 3/4, 193–20.
31. *Rösler W.* 1980: Dichter und Gruppe. Eine Untersuchung zu den Bedingungen und zur historischen Funktion früher griechischer Lyrik am Beispiel Alkaios. München.
32. *Silk M.S.* 1974: Interaction in Poetic Imagery: with special reference to early Greek poetry. Camb. [N.Y., 2006].
33. *Slater W.J.* 1976: Symposium at Sea // *Harvard Studies in Classical Philology*. 80, 161–170.
34. *Slings S.R.* 1979: ΑΠΑΙΠΠΕΝΑ ΓΕΝΗΩ. Some Problems in Lesbian Grammar // *Mnemosyne*. Fourth Series. Vol. 32. Fasc. 3/4, 243–267.

³⁶ Porro 1994, 235.

³⁷ Gentili 1984, 267.

35. *Snell B.* 1944: Hera als Erdgöttin // *Philologus.* 96, 169–160.
36. *Spencer N.* 1995: Early Lesbos between East and West: A ‘Grey Area’ of Aegean Archaeology // *The Annual of the British School at Athens.* Vol. 90. Centenary Volume, 269–306.
37. *Stella L.A.* 1956: Gli dei di Lesbo in Alceofr. 129 LP // *Parola del passato.* 11, 321–334.
38. *Taillardat J.* 1965: A propos d’Alcée, fr. 6, v. 1–8, Lobel–Page // *Revue de Philologie.* 39, 80–89.
39. *Trumpf J.* 1958: Studien zur griechischen Lyrik. Köln.
40. *Tsomis G.* 2001: Zusammenschau der frühgriechischen monodischen Melik (Alkaios, Sappho, Anakreon). Stuttgart.
41. *West M.L.* 1966: Conjectures on 46 Greek poets // *Philologus.* 110, 147–168.
42. *West M.L.* 1997: The East Face of Helicon. West Asiatic Elements in Greek Poetry. Oxf.

TWO NOTES ON ALCAEUS

Sergey A. Stepantsov

In the first note the author argues that it is probable from the phonetic point of view that Hera’s epithet ΑΙΟΛΗΝΑ in Alc. 129 Voigt could be the feminine of ΑΙΟΛΕΥΣ, not ΑΙΟΛΟΣ (cf. Lesb. ΒΑΣΙΛΕΥΣ/ΒΑΣΙΛΗΝΑ). In the second note he tries to prove, *pace* B. Gentili, that the fragment Alc. 6 V. shows no clear evidence that the images of storm and ship were used allegorically.

Keywords: Alcaeus, ship, allegory, Hera’s epithets.

Institute of World History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

stephanicus@mail.ru

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 3, с.

Я. Л. Забудская

«ВЗЯТИЕ МИЛЕТА» ФРИНИХА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ДРАМЫ

В статье рассматриваются проблемы, возникающие при изучении античных свидетельств о «Взятии Милета» Фриниха: вопросы датировки, политическая подоплека, причины постигшего драматурга наказания, несоответствие названия принципам озаглавливания в греческой драме. Уточняется понимание сообщения Геродота (единственный источник о постановке Фриниха, на который опираются другие авторы): синтаксические особенности текста не исключают, что Геродот приводит не название, а описывает фабулу. Это означает, что «Взятие Милета» как название нужно приводить с осторожностью.

Ключевые слова: поэтика заглавия, ранняя трагедия, история жанра, Фриних, «Взятие Милета».

Забудская Яна Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.